

ГЛАВА 56

Через неделю я отвез документы по своей квартире в госучреждение и подал их на получение свидетельства о государственной регистрации. После я поехал в офис.

- Че, получил «зелёнку»? – тут же уточнил Сергей, едва я поднялся на этаж.

- Не, не получил, только подал документы... – мотнул головой я, поздоровался со всеми и плюхнулся в кресло. – Свидетельство через месяц идти получать...

- Че, квартиру купил, Ром? – любопытствовала Валя.

- Да Валь, купил, - кивнул я.

- Молодец какой, поздравляю, - улыбнулась та.

- А точно «зелёнку» дадут через месяц? – вкрадчиво поинтересовался Сергей.

- Спасибо, Валь, - улыбнулся и я, глянул на Сергея. – Точно, а че ж не дадут-то!?

- Ну, мало ли... я просто спрашиваю, - сказал тот.

Я улыбнулся, осознав смысл вопроса. В силу чрезмерной осторожности Сергей боялся первым соваться в неизведанные направления жизни. Он ждал, пока кто-то другой пройдет в нужном ему направлении, как он выражался, «протопчет дорожку», и уже после Сергей безбоязненно и даже с демонстративной смелостью шел проверенным путем. Так вышло и с недвижимостью. Поняв, что я протоптал выгодную «дорожку» и убедившись, что риски минимальны, и дом мой строится, Сергей согласился вложить деньги вместе со мной в следующую квартиру. Но, как это почти всегда бывает с людьми нерешительными, он продолжал беспокоиться за успех затеи. И беспокоился он через косвенные расспросы, выясняя ими «топчется ли дорожка дальше» или, вдруг, впереди обозначилась проблема.

- Дадут, Серый, - успокоил я напарника и ухмыльнулся. – Важнее, чтоб построился и сдался дом, а «зелёнка» – это уже формальность...

- Ну не скажи... – вздохнул Сергей.

Разговор продолжать расхотелось.

Через пару минут ожил мобильник Сергея – звонил Алексей Семенович. Приехав на склад, я и Сергей приняли у него товар, и «пепелац» укатил прочь.

- Надо будет на складе порядок навести, - огляделся я внутри. – Чуть потеплеет, и по теплу уже замутим тут субботник, да, Серый?

- Да, Роман! – выдал вдруг нарочито весело тот, глянул на меня оценивающе, будто желая понять мою суть, покачал головой. – Ох, Ромыч, в Москву собрался, кино снимать...

Мы сели одновременно в «мазду».

- И буду снимать... – произнес я, меня вдруг задело. – Ты сомневаешься, что ли!?

- Не! Я, кстати, вообще в тебе не сомневаюсь! – сказал Сергей будто даже искренне и добавил уже с неявной нотой грусти или сожаления. – Поедешь в Москву, выучишься, снимешь свои фильмы, заработаешь денег... Все у тебя будет нормально, Роман!

Мы выехали с завода и у поселкового рынка миновали стоящий «пепелац».

- Блин, Алексей Семенович... – вдруг улыбнулся Сергей.

- Че – Алексей Семенович? – не понял я.

- Да че! Носится с этой тряпкой... Все знают, что у него на руке нет части пальцев, а он все равно, как заматывал руку в эти тряпки, так и заматывает...

- Да, странно... хотя... ему, может, неудобно, чтоб другие видели его такую руку без пальцев, вот он и мотает ее тряпкой... Да пусть, какая разница!

- Да пусть, конечно! Я что, против что ли! – поддержал Сергей.

Весна в 2008 году выдалась промозглая и чавкающая снегом. Серые дни тянулись невыносимо. Во время развозов товара отец постоянно курил в приоткрытое окно, ветер из которого задувал мне и Сергею за спины, отчего оба сидели в кабине нахохлившись и вели беседы. Отец в них участие принимал редко, ограничиваясь лишь репликами. Мы же его старались в них и не впутывать, зная, что начавшего «вещать» отца остановить будет уже невозможно. Едва он ступал на свою любимую дорожку и принимался о чем-то долго и нудно рассказывать, я, заметив лукавый взгляд Сергея, отвечал напарнику ухмылкой и отворачивался к окну. Мы почти всегда сидели так – Сергей в середине, я с правого края. Редко наоборот.

Я думал про отца разное. Жизнь его стала размеренной – работа, дом. Отец работал почти ежедневно – два-три дня в неделю возил наш товар и пару дней катался по прочим постоянным заказам. Вечерами я его видел почти всегда лежащим на диване и читающим какую-нибудь книжку. Обычно историческую.

Я все яснее понимал, что ни к какому бизнесу отец уже и не стремится. Стремился ли раньше? Возможно. Но его поведение мне все равно было не понятно. Отец, нащупав постоянный приемлемый заработок, будто удовлетворился им. Никаких разговоров и даже намеков о новом бизнесе я от отца не слышал. Его поведение я не мог объяснить и оттого злился. «Может, он просто хочет извозом заработать достаточно денег и тогда уже начать свое дело?» - придумал я объяснение, но тут же понял, что именно придумал. Тем сильнее меня разозлил очередной пересказ отцом затертой до дыр истории, про то, как он когда-то ровно складывал коробки в машине и его сослуживец, заметив такое, похвалил отца. Мы в этот момент загружались на складе перед очередным развозом товара. Отец стоял в кузове «газели» и принимал коробки, Сергей набирал товар по накладной, я же таскал коробки от него к машине.

- Мы один раз как-то так же грузили коробки в машину... – начал отец, принимая из моих рук коробку и неся ее вглубь кузова. – И один мой хороший знакомый смотрел так, смотрел на меня, как я работаю, и говорит – Вот с Анатолием я бы бизнес стал делать!

Идя уже спиной к отцу вглубь склада, я поморщился – история эта, рассказываемая лишь только мне раз третий, начинала уже раздражать. Сергей, всучил мне две коробки и одарил взглядом, от которого мне за отца еще и стыдно стало. Я понес коробки к машине.

- А я и спрашиваю у него – Почему, мол, со мной стал бы бизнес делать? – вещал отец, глаза его, встретившись с моими, радостно светились, лицо улыбалось. – А он мне и говорит – Я вот смотрю, как ты коробки ставишь, ровно, одну к одной! Поэтому, говорит, с тобой можно бизнесом заниматься, ты человек педантичный, точный...

Я поставил принесенные коробки на край кузова, отец снял верхнюю и поставил ее аккуратно в единообразный ряд. Это правда, работал отец всегда аккуратно и не торопясь, обстоятельно. Я работал быстро, будучи на укладке, шустро ставил коробки одну к одной, довольно ровно, но не идеально. Сергей же коробки в кузов машины швырял, уложенный им товар всегда представлял из себя аморфное нагромождение разноразмерных упаковок. Как и во всем, Сергей был неряшлив и в работе. И его неряшливость меня раздражала так же, как отцова педантичность. Будто оказавшись меж двух полюсов, я испытывал на себе проникающее их встречное действие, державшее меня в напряжении.

- Я ему тогда сказал, когда началась перестройка – пришло, мол, мое время... – все крутил отец свою пластинку; я раздражался все сильнее и таскал коробки все энергичнее.

– Он, помню, еще удивился, говорит – Какое это твое время, Анатолий!? А я ему говорю – Мое, мое время! Время бизнеса! Время свободного предпринимательства...

Заткнись, а! – хотелось высказать уже отцу – Бери и начинай уже заниматься этим своим предпринимательством! Ну чего целыми днями работаешь извозчиком на других!? Но я молчал и, сопя, продолжал работать. Несоответствие между реальностью и словами раздражало. Во взгляде Сергея я читал схожее отношение к рассказам отца, к которому еще подмешивался и довольный блеск глаз.

В тот день последней точкой шел «Меркурий». Приехав на базу, я поднялся к Сене, оформил накладные на выгрузку, заметил, что тот не один, шепнул «зайду после» и пошел к складам. Поеживаясь, Сергей расхаживал по рампе, отец стоял внизу у шедшей в подвал ленты и курил. Едва мы выгрузили товар, я снова пошел к Сене. Тот уже сидел в кабинете один. Я кивнул и высунул из кармана куртки краешек пачки денег.

- Так, ну сейчас я посмотрю по вам по выплатам! – нарочно громко произнес Сеня, вызвав тем у меня улыбку, отработанным движением потянул на себя выдвижной ящик. Я метнул в открывшийся зев пачку, Сеня накрыл ее листом бумаги и задвинул ящик. – Ну, возвратов у вас никаких нет! Платим мы вам в срок, вчера была оплата... А за эту партию, как и положено по договору, через семь банковских дней!

Сеня улыбнулся. При этом глубокие морщины сделали его похожим на Бельмондо.

- Че, как вообще торговля? – произнес он, располагая меня к беседе.

- Как-то непонятно... – сел я за стол напротив. – Так-то на жизнь хватает...

- А я квартиру купил! – выдал радостно Сеня и обнажил в улыбке идеальный ряд искусственных верхних зубов, добавив на мое восклицание удовлетворенно. – Дааа!

Тема была животрепещущая, и после моего поздравления, стала обсуждаться нами с жаром. Сеня поведал, что купил квартиру в долевым строительстве, сдача дома по плану – конец года, застройщик вроде как надежный, дом – кирпичный, этаж – хороший, денег он внес половину, а остальное надо успеть внести до конца строительства, и что раздает теперь Сеня, таким как мы, заказы налево и направо, дабы заработать это остальное.

- Но своим я сразу сказал – прописывать никого никуя не буду! – переменявшись в обрешетке металлические черты лица, выдал Сеня. – Пусть обижаются, не обижаются! Ни жену, ни ребенка... Мне похую – прописывать никого не буду!

- Че эт ты так со своими жестко, Сень? – деликатно произнес я.

- А хватит! Я своей жене так и сказал... Она ж у меня вторая. Я же раньше тоже был женат... вот с той я и нахлебался так, что зарекся на всю оставшуюся жизнь! – рубанул тот рукой воздух, будто отрезал, и обзлился взглядом.

- А че случилось то? – аккуратно поинтересовался я.

- Ды че... Я же после развода с первой женой без жилья остался! – произнес Сеня, и увидев на моем лице удивление, продолжил. – Да! Меня бывшая без квартиры оставила... Выкинула на улицу!

- Как это – выкинула на улицу? – растерялся я.

- Да вот так! Она с несовершеннолетним ребенком, квартира однокомнатная... – пустился Сеня в юридические особенности того случая. – Она там все грамотно сделала! Это я – лопух был! Думал – любовь, семья! Как же! Баба ушлая попалась, а мне пришлось потом несколько лет без жилья мотаться! Как бомжу... Да я и был бомжом натуральным!

- Как это – без жилья?? – удивлялся я все сильнее. – А где ж ты жил?

- А я в Москве устроился в фирму, та рыбой торговала мороженой, кладовщиком!
И там же и жил на складе!

- Как это??

- Да вот так! Я там числился кладовщиком, потом и на сторожа договорился, и мне выделили там комнатку дежурную, где можно было только поспать и все! – Сеня обвел взглядом свой кабинет. – Да вот, примерно, как эта была комнатка! Метров девять, не больше... Там у меня стоял топчан, холодильник, телевизор, плитка электрическая... И я днем – кладовщиком, а ночью охранял... А потом я еще и за уборщика стал получать! На полставки устроился... Там в конце смены нужно было мыть полы, рыба же... Вот я и мыл. И так три года жил. Днем – кладовщик, потом все уйдут, я переодеваюсь, начинаю уборку, уберусь, поужинаю и уже ночью охранником. А утром снова кладовщиком в этот склад... Так и жил на складе, ставил себе крыжички за каждый день, считал каждую копейку!

Сеня рассказывал, жестикулировал руками, загибал пальцы, я не перебивал. Мое удивление услышанным было велико. Сеня открылся мне с иной стороны, в долю секунды изменив понимание его персоны кардинально. Я вынырнул мыслями из его истории лишь минут через двадцать, спохватившись, что меня ждут, спешно простился с Сеней, побежал вниз и выскочил из торгового зала на улицу. Будка нашей «газели» высилась над прочими машинами посреди внутренней стоянки базы. Я открыл дверь «газели». Нахохлившийся от тепла Сергей сидел на своем месте и лишь глянул на меня разомлевшим взглядом. Отец курил, облокотясь на руль.

- Заждались!? – бодро произнес я, улыбнулся и сел в кабину.

- Все? – буркнул Сергей одними выпяченными губами.

- Да все! Деньги отдал, все нормально! – я глянул на отца. – Поехали!?

На обратной дороге мы о чем-то общались. Но я все возвращался мыслями к Сене и его истории, крутил ее в голове и даже примерял на себя. История виделась мне тяжелой и объясняла природу жесткости и циничности Сени. Я даже подумал, что возможно сник бы и сдался в такой ситуации. Именно циничность все годы нашего знакомства отталкивала меня от личности Сени. Теперь же я хотя бы знал ее истоки. «У каждого свои скелеты в шкафу», - подумал, помнится, я тогда.

К середине марта у нас скопилась наличка, мы отнесли ее в счет оплаты квартиры.

- Роман, ну никто что-то не звонит нам по объявлению на баннере! – сказал Сергей то ли с сожалением, то ли с легкой издевкой в голосе.

- Ну, не звонят и не звонят, - развел я руками. – Что я могу сделать, Серый? Баннер висит нормально, с дороги его видно идеально... Вроде уже весна началась, должны как-то люди активизироваться, звонить, спрашивать... Несколько человек же заходило к нам! Но они все задавали один и тот же вопрос – «А в наличии есть у вас машины?» Помнишь?

- Ну эт да, - покачал головой тот, пожевал губу. – И че ты предлагаешь, пригнать одну праворукую машину и поставить тут во дворе, чтоб была? А как мы угадаем, какую? Пригоним одну, а какой-нибудь мужик придет, захочет другую в наличии и чего?

- Серый, я ниче не предлагаю! – увернулся тут же я от известной уловки напарника и улыбнулся. – Я просто с тобой разговариваю. Ты же задаешь вопросы – почему к нам не идут покупатели? А я просто размышляю вслух...

- Ааа... – одарил меня недовольным взглядом Сергей. – Ну понятно...

Начался очередной раунд невидимой игры. Сергей подталкивал меня к принятию решения и взятию ответственности. А я не имел желания лезть в одну из его ловушек. И он это понял.

- Ну и че делать будем? – немного спустя будто примирительно произнес Сергей.

- Давай подумаем... – шагнул я навстречу, и мы стали совещаться. Через несколько минут стало ясно – Сергей склоняется к тому, что одну машину пригнать все же придется. Но за его видимой заботой о бизнесе, быстро проявилась истинная цель такого решения.

- Ну в случае, если уж не продадим машину, ну зависнет она у нас, то кто-нибудь из нас может ее и себе выкупит, да и будет ездить! – завуалировал свое желание Сергей. «Кто-нибудь из нас» – я понимал о ком он, стало забавно, я согласился.

«Теперь посмотрим, какую машину себе хочет Сережа», - подумал я, поддакивая и кивая всем последующим цветастым фразам напарника, которые были выпущены им мне в мозг, словно чернильное пятно осьминогом, для сокрытия основной мысли. Сергей же, получив мое согласие, тут же стал энергичен в реализации своего интереса.

- Можно будет еще и у Мелёхина спросить... – как всегда ввернула нужное Вера. – Он же говорил, что хочет себе пригнать машину из Японии... Может, с ним сложиться...?

- Точно, Верóк! Молодец! – ткнул в направлении жены пальцем Сергей, он сидел в кресле, скрестив руки, жуя губу и дрыгая согнутыми в коленях ногами – думал.

- Роман, ну я вчера поговорил с Мелёхой! – выдал Сергей на следующий день, едва поднялся в офис и взгромоздил свой портфель на стол. В нижней части, разойдясь по шву, портфель зиял отверстием размером со спичечный коробок.

- Дырка, - кивнул я, указав взглядом на портфель.

- Да, разошелся! – сунул в дырку палец Сергей, пошуридил им там. – Надо будет новый покупать... Вот! Поговорил я вчера с Мелёхой, все узнал! Блин! Ну он, канешна, все знает об этих праворуких японцах! Все рассказал, какие машины пользуются спросом, какие не пользуются...! Все эти «Субару аутбеки», «Мицубиси аутреки»... Какие сколько стоят... какого года... сколько стоят в Японии... сколько в этой Находке... сколько стоит пригнать их сюда... Блин! Вчера сидели с ним до ночи! Я теперь в них сам стал шарить!

Сергей засмеялся, а меня резануло по уху «аутреком». Я улыбнулся напарнику, но по своей причине – вспомнились вдруг другие слова, какие тот коверкал. «Исектициты», «завизивировать»... теперь вот «аутрек» вместо правильного «аиртрек». Это коверканье поначалу лишь резало слух, а позже я пришел к простому выводу – происходило такое от неглубокого интереса напарника ко всему. Настоящего, глубокого интереса к чему-либо я у Сергея не видел, он будто хватал везде по чуть-чуть, по верхам, не утруждаясь в каждом интересе забраться глубже. Потребляя информацию вполуха, Сергей так же, как услышал, с искажениями ее и воспроизводил. Я понимал, что он не подозревает, как глупо выглядит перед любым, кто хоть что-то соображает в озвучиваемой им теме. Я заранее дома в пару вечеров досконально изучил в интернете предложение и спрос на такие авто, и в ответ на поверхностные словесные потуги Сергея на знания я лишь молча кивал.

В конце марта Сергей принес на склад новый и пахнущий кожей пояс штангиста. Он с серьезным лицом достал пояс из багажника «мазды» и принялся им подпоясываться.

- Основательно ты упаковался, Серый, - хмыкнул я.

- Роман, ну че ты хочешь – у тебя спина здоровая, а у меня сорванная! – недовольно надув губы, оправдался он. – Приходится, да, теперь вот так...

- Да не, я ниче, Серый! – замотал головой я. – Я просто не перестаю удивляться, у тебя столько болячек – спина сорвана, кисти сорваны, коленка разбита, пятки лопаются, ихтиоз, поджелудочная болит... просто я бы при таком их количестве сдох бы, наверное, на следующий же день! У меня желудок побаливает иногда, и то... так заебывает, бывает, что аж на стенку лезу... а это... когда ты успел все это себе повредить!?! Ума не дам...

- Да это так тебе кажется, что сложно! – продолжал рефлексировать Сергей. – Я, знаешь, как сорвал себе спину!?! Ты вот не поверишь!

- Ну, как?

- Да сел с утра на стуле, наклонился вниз шнурки завязывать и сорвал себе спину!

- Бля, пиздец, Серый... – я был так удивлен историей, что не знал, сочувствовать напарнику или смеяться от комичности ситуации, поэтому лишь пожал плечами, покачал головой, взял из штабеля в руки коробку с товаром, произнес. – У меня просто нет слов...

С началом апреля в город наконец-то пришла настоящая весна – небо очистилось от серости, и солнце стало топить снег как следует. В семье прекратились дразги, и мать, продолжая удивлять, устроилась на прежнюю работу и будто бесповоротно оправилась от депрессии. Мы с ней завели привычку гулять по выходным до моего нового дома. Вокруг него уже завершались строительные работы – едва сошел снег и подсохла земля, весь двор закатали в асфальт, который тут же наводнили машины новоселов, и начались ремонты. Я, как не старался, но к середине апреля собрал лишь сто пятьдесят тысяч. И то, сэкономить из зарплатных денег смог лишь половину, остальное я и Сергей взяли из фирмы. Это была его инициатива, узнав, что я коплю на ремонт, Сергей, вдруг, загорелся тем же.

- Ванну с туалетом надо нам тоже будет летом сделать, да, Верок? – произнес он. – Ромка займется ремонтом, и мы как раз тоже доделаем уж квартиру до конца...

Я понимал, собранных денег на ремонт не хватит, но так сильно желал новоселья, что решил начинать с тем, что было. «Остальное возьму в фирме или займу у отца», - решил я. Отец неплохо зарабатывал на извозе, деньги не тратил совсем – складывал их в банк, а в свободное время все читал на диване книги.

Стартовал очередной сезон дихлофосов, их продажи тронулись и стали расти. «К концу мая продадим все, и надо будет снова завозить», - прикинул я, оценив зимовавшие на складе остатки этого товара.

Перед последней неделей месяца мы определились с машинами – решили заказать с аукциона две, одну из коих покупал у нас Мелёха. На фирму Сергей предложил заказать пяти- или шестилетний черный «Мицубиси Аиртрек». Желание его уперлось в деньги – ранее мы отнесли сто сорок тысяч в строящуюся «двушку», этой суммы нам и не хватало.

- Может, седан закажем? – предложил я.

- Да ну, седан! – нахмурился и запротестовал Сергей. Седан у него уже был, а для семьи из четырех человек и поездок на дачу и природу такая машина все же тесновата.

- Седаны низкие, лучше минивэн взять, у него и кливерс повыше, и сам он выше и просторнее! Да и выглядит он посolidнее, и в него, если че, и положить что-то можно... А у седана багажник и все! – пояснил Сергей.

«Кливерс», - пронеслось в моей голове, и я хмыкнул, качнул головой.

- Че ты смеешься? – прервал напарник свои доводы.

- Не, ниче, - отмахнулся я. – Все ты верно говоришь, Серый, я согласен.

Мелёха заказал нам «Ниссан Либерти» примерно такого же возраста. Машина была заметно дешевле «Аиртрека», и неказистый дизайн ее выглядел экономным. Умерив свои желания, Сергей предложил на фирму заказать такую же машину. Мне было все равно. Я думал просто – машину мы продадим, а если она «застрянет» у нас, то Сергей ее выкупит. Его «мазда» за три года потрепалась сильно. Я помнил, какой ухоженной Сергей ее купил, и до какого состояния, в силу своей неряшливости, довел. «Мазду» пора было менять.

- Года три-четыре покатаюсь на ней, а потом что-нибудь свеженькое возьму! – еще сразу после покупки сказал мне вальяжно Сергей.

Под конец апреля Сергей принес от Мелёхи двадцать пять тысяч задатка. Добавив к этой сумме такую же от фирмы, мы отправили деньги в Находку.

25 апреля я подписал договор со строительной компанией об отделочных работах в моей квартире, и ремонт в ней начался. Я рассудил так – денег мало, поэтому надо сделать руками мастеров основное, а уж остальное – я сам.

- Если что, поможешь? – обратился я к отцу, тот, дотягивая последнее из сигареты, полулежал на приятно нагретом весенним солнцем балконном диванчике, кивнул.

В последние дни апреля, где-то взяв «горящую путевку» в Турцию на всю семью и загоревшись поездкой, Сергей замелькал между работой, туристическим агентством и паспортным столом. Сумма выходила приемлемая – пятьдесят тысяч на четверых. Сергей тут же предложил всем троим выписать остатки зарплаты за апрель и плюсом еще авансы за май. Я согласился.

- Когда улетаешь? – поинтересовался я.

- Роман, да десятого с утра туда, а семнадцатого уже обратно! – выдохнул Сергей и стер на лбу несуществующий пот тыльной стороной руки. – Ну я думаю, тут ничего же не произойдет за это время... Машины будут в Находке как раз числа двадцатого... А к этому времени мы уже вернемся! А если кому нужен будет товар, ну, подстрахуешь, возьмешь бизнес на себя, чип че, развезешь!?

- Да, не переживай! – отмахнулся я. – Все будет как надо. С батарей развезем все... Отдыхай, ни о чем не думай... Дети хоть отдохнут, да накупаются...

- Ну спасибо, Ромыч... – проникновенно произнес Сергей. – Да, дети... Мы, может, и не полетели бы никуда... а, видишь – дети... Да и дешево очень! Не каждый раз за такие деньги можно слетать! И детей прогревать надо. Мы с Верой стараемся каждый год детей вывозить к морю, прогревать. Нам-то оно что? Главное – дети. Это вот, видишь, те года не получалось, когда только начали вместе работать, и в том году, когда работы много было. А так, мы с Верой каждый год детей к морю вывозили...

- Ну вот и поезжайте, раз уж такой удачный случай выпал...

- А ты можешь тоже после нас! Как мы вернемся, бери и поезжай куда-нибудь!

- Да не, я скорее всего, как обычно, в августе... А там видно будет... Посмотрим!

- Ну ты на рукопашку все ходишь? – переключился Сергей в теме разговора.

- Да, хожу... – кивнул я.

- Надо будет мне тоже грушу купить! – сказал Сергей и замахал руками, изобразив в воздухе подобие боксерских ударов. – Я уже думал об этом... Как раз вернусь с Турции, переедем на лето жить на дачу, куплю и повешу ее там и блинчики такие перчаточки для груши специальные куплю и буду ее стучать... Знаешь, такие есть именно для груши!?

- Знаю... – расслабленно кивнул я. – У меня такие есть... На тренировке как раз в них по груше и стучу... А так можно и без них... Ты лучше без перчаток по груше бей...

- Как это без перчаток!??? – округлил глаза Сергей в искреннем удивлении. – Так все руки себе разобьешь и пообдерешь!

- Ниче не разобьешь и не обдерешь... – мотнул головой я. – Так запястье крепче и кулак точней ложится. Когда в перчатках, даже таких, блинчиках, все равно рука играет немного... И даже если не точно ляжет по груше, то ничего страшного... А когда голыми кулаками бьешь, то если мазанешь или не так руку будешь держать, сразу почувствуешь...

- Да ну, это ерунда какая-то, Роман! – нахмурился Сергей и посмотрел на меня, как на говорящего полную чушь. – Так все руки себе расхерачить можно...

- Не знаю, я пока не расхерачил и даже ни разу нигде не стер...

- Ну, не знаю... – надул губы Сергей, и бросил на меня озадаченный взгляд.

Все праздники я занимался квартирой. Рабочие заполнили ее мешками с цементом и штукатуркой и принялись за дело. По окончании праздников утром понедельника 12 мая мой мобильный ожил, с завода звонила очкастая вахтерша – сухо поздоровавшись, так же сухо и формально она сообщила, что в полдень для встречи с арендаторами от компании-собственника на завод приедет представитель и будет проверять соответствие арендуемой по договору площади реально занимаемой.

- Желательно, чтобы вы были на своем складе к этому времени! – закончила она.

- Хорошо, подъедем, - едва успел ответить я, как та отключилась.

В полдень я и отец были на складе. День выдался ярким, солнечным. Я распахнул двери склада, вошел внутрь и поежился – от стен еще веяло зимней прохладой. Я вернулся на улицу, и солнце тут же окутало меня теплом. Отец подогнал «газель» к складу, закурил, вышел из кабины, весело глянул на меня, подтянул рывком джинсы, вместе с тем смешно слегка присев, крикнул по-старчески, затянулся, выпустил дым и по-деловому произнес:

- Что, грузимся?

- Ну да, грузимся, - пожал я плечами. – За этим сюда и приехали.

- Ааа, ну понятно... ты не в духе... Что, не выспался? – поддел меня отец.

- Выспался, выспался... – буркнул я, поморщив лицо от яркого солнца.

Я уже хорошо распознавал такое начало диалога, оно всегда вело к ругани. А ее не хотелось. Я отвернулся и пошел в склад. Словно уловив мое нежелание обострения, отец пришел в склад следом, внимательно с неприятной цепкостью в прищуре глянул на меня, ухмыльнулся и произнес: «Жениться тебе надо... чтоб не быть таким злым...»

Это был удар под дых, расчетливый и осозанный. Внутренне напрягшись, я вмиг обозлился, но сдержался. Гнев, пометавшись по душе и не найдя выхода, затих.

- Женюсь... – произнес я, как можно спокойнее, улыбнулся. – Вот ремонт доделаю, перееду и женюсь... Не переживай...

Такие моменты заставляли меня задумываться о характере отношении с отцом. Они мне казались странными и неправильными. Я ощущал меж нами тяжбу. Мы не говорили о претензиях друг к другу напрямую, а будто выясняя что-то, вот так обменивались иногда колкостями, когда терпеть было уже невмоготу. Наши отношения проходили ломку. Мое недовольство отцом лишь росло, и вопросы к нему множились. Но источника претензий к отцу я не понимал. Будто в тумане, он размыто плавал в моем сознании.

- У отца очень тяжелый характер, - как-то на очередной прогулке в мою квартиру выдала мать. – Нет, он тебя любит, очень любит и в детстве с тобой носился... Помню, как ты родился, а отец чуть в обморок не упал... Меня увезли в ночь на скорой в роддом, а он

дома, видно, переживал... Пришел ко мне уже утром, как ты родился, сам зеленый, стоит, качается... Он такой – все в себе... никогда ничего не скажет, все молча переносит. А так – он тебя любит... И носил тебя всегда на руках, и гулял с тобой, и таскался все время... Нет, в этом плане он молодец... Но... Он какой-то бесчувственный, что ли...

Мать тогда замолкла, мы прошли еще немного по лесной тропинке.

- И жестокий он очень... – добавила мать, будто извлекая что-то из памяти.

- Да, отец – человек жесткий... – буркнул я, кивнул.

- Нет, не только жесткий, а именно жестокий! – настояла с жаром на своем мать. – Он тогда меня бил, все отбил, я думала – убьет... По почкам, в живот...

- Да, я помню, - кивнул я, спрятал подбородок и рот в мягкость воротника свитера, будто не желая о таком говорить.

- Я тогда, помню, к доктору пришла... А врач умный попался, хороший такой был мужчина... Он осмотрел меня тогда и говорит – Не пойму, откуда у вас гной в придатках!? А что я ему скажу? Я молчу... Сказала, что застудила... Но он, по-моему, не поверил...

Я сильнее зарылся лицом в свитер. Уши мои горели от стыда и какой-то липкой противности. Разговор шел о моем отце, и озвученные факты, как сыплющиеся из шкафа скелеты, били по моему сознанию. Они тянули друг друга за руки, и падали на меня один за одним. Я вспомнил, как несколько раз отец бил и меня в детстве. Жестоко. Именно так, а не жестко. Бил, как бьют взрослых, сильно, кулаками. Мать, понимая, что дело скверное, оттаскивала его от меня.

- Убью!!! – орал отец тогда. – Урода кусок!!!

- Здравствуйте! – вывел меня из оцепенения неприятных мыслей женский голос. Я огляделся - делегация человек из шести стояла уже в складе. Возглавляла ее невысокая и невзрачная женщина лет сорока пяти с живым лицом, но требовательными чертами и все равно добрыми глазами. Прочие сгрудились полукругом позади нее.

Мы с отцом, как стояли вполоборота, так и поздоровались. Я представился.

- Рома, ну здравствуй... – как-то по-простецки произнесла женщина и, сделав пару шагов ко мне, огляделась. – Ну расскажи мне, что у вас тут и чем занимаетесь?

Стена, какая бывает поначалу между незнакомыми людьми, исчезла, и общение мое с заместителем генерального директора строительной компании вышло свойским. Я ответил на все ее вопросы, и женщина сказала, что надо будет подписать новый договор.

- Подпишем, - кивнул я.

- А площади склада, как... вам хватает? – раздался голос из делегации.

- Да! – отмахнулся я. – Склада за глаза, даже много! Нам и половины бы хватило!

Гости пришли на редкость удачно по времени – из запасов дихлофосов оставались жалкие сто упаковок, по прочему товару остатки тоже оказались на минимуме – все ушло за праздники. И именно перед ними мы с Сергеем навели в складе порядок – снесли весь товар ближе ко входу, оставив заднюю часть склада почти пустой. Лишь у дальней стены стояли стеллажи со всяким хламом. И у меня родилась шальная и дерзкая мысль, в случае удачи обещающая приличную экономию в деньгах.

- А возможно подписать новый договор на половину склада? – обыденным тоном выдал я, глянув на женщину. – А то мы реально пользуемся половиной, а платим за весь...

- Рома, ну тогда тебе надо будет за электричество платить отдельно... – начала та, и я понял – все получится. – Со мной прибыл электрик, он тогда снимет показания, передаст нам в офис, и мы с тобой подпишем договор с учетом электричества... хорошо?

Я кивнул.

Дело было сделано! Я был рад. Дальше предстояла лишь бюрократия, но это были уже мелочи. Я записал телефоны электрика, юриста и этой важной женщины. Прощаясь, она назвала меня «Ромочкой» и покинула склад в самом благодушном настроении. Горox делегации посеменил за ней. «Надо ковать железо, пока горячо!» - твердо решил я и уже на следующий день составил новый договор.

В течение той же недели я два раза катался с ним в офис строительной компании, первый раз отвез договор юристу, второй раз что-то согласовывал. Подписание договора затянулось, документ застрял в кабинетах организации до следующей недели.

- Ладно, Серый приедет, заберу договор уже с ним! – махнул я рукой, едва вскочил в кабину «газели». Отец ждал меня в машине на стоянке у офисного здания строительной компании. Погода стояла тихая и теплая, и двери кабины были распахнуты настежь. Отец сидел в машине опершись локтями на руль и курил.

- Что, поехали? – произнес он своим обычным ничего не выражающим тоном. Или мне казалось или так и было, но отец в последнее время стал молчаливо-замкнутым. Он никогда особенно не проявлял эмоций, но в последнее время стал на них скуп чрезмерно. До какой-то гнетущей безрадостности. Я не относил его перемены на свой счет. Мне было лишь радостно от того, что смог повернуть удачное дело, которое со следующего месяца снизит расходы фирмы на склад вполовину, и этим успехом хотелось поделиться с отцом. Он же, в который раз, реагировал вяло.

- Прикинь, имя заместителя директора на всех тут действует безотказно! – выпалил я, потирая возбужденно руки. – Сразу начинают суетиться... А иначе – сонное царство...

Отец, продолжая сощурено смотреть вдаль, затянулся сигаретой по самый фильтр, откинул бычок на асфальт, отер лицо от невидимой пелены и глянул на меня бесстрастно.

- Поехали? – повторил он.

- Да, поехали! – кивнул я и захлопнул свою дверь.

Мы покатали по кривой грунтовой дороге, точно такой же, как у нашего завода. И мне вспомнилась очкастая вахтерша, та самая – «Увлеченная Достоевским». В день визита делегации на завод, когда та уже уехала, вахтерша даже поздоровалась со мной, кивнула, когда я проезжал мимо проходной на пассажирском сидении «газели». Чем удивила меня сильно. Она будто узнала об итоге моих переговоров, и так выказала свою реакцию. По своей простоте я поздоровался с ней и в следующий раз, но чуда уже не случилось – тетка по обыкновению сделала вид, что не заметила меня, и все вернулось на круги своя. Отец был в курсе моих наблюдений за этой вахтершей, я поведал их ему ранее, дополнив итог лишь одной фразой, наведя тем самым некий порядок в своих мыслях и установках.

- А эта очкастая вахтерша на заводе все-таки жаба! – произнес тогда я.

- Жаба... – так же спокойно произнес отец. – Ее видно...

Я задумался. Проницательность отца меня поражала всегда. Я понимал, что опыт и возраст берут свое – начинаешь видеть людей, что называется, насквозь. По сути, понимая и замечая натуру людей, я все равно с какой-то непонятной наивностью настойчиво верил в лучшее в них, искал это лучшее, не находил, разочаровывался и уже после понимал то, к чему отец приходил сразу, исключая подобные душевные метания. Возможно, раньше он тоже был таким же ищущим и чувствительным, загрубев позже до безразличия.

- Да, видно? – удивленно посмотрел я на отца.

- Конечно, видно, - произнес он, продолжая глядеть на дорогу застывшим взглядом.

- Не, ну я сам понимал и видел, что она с гонором! – сказал я. – Но я просто думал, что это временно, что если нормально относиться к человеку, то и он будет нормально к тебе относиться... пусть не сразу, но все же...

- Некоторых хоть в задницу целуй, все равно ублюдками остаются. Это люди такие, их не переделаешь... – просто и без обиняков выдал отец.

- Да я понимаю, - вздохнул я, трясясь вместе со всей кабиной на кривой дороге, на секунду задумался и выдохнул. – Просто... непонятно как-то...

- Скоро поймешь...